

Молодой Грифон

— Хо, значит, молодой аристократ всё-таки ускользнул от наказания, — размышлял я, прогуливаясь по улицам Олимпии. — Оставив своих подчинённых страдать от последствий. Как удивительно. — С рассветом рынки начали просыпаться, а неугодные обществу люди уползали обратно в свои норы.

С нашей стороны, мы с Солом, переоделись в дневную одежду после тщательного очищения в одной из многочисленных общественных бань города. Улицы Олимпии во многом напоминали мой дом — по крайней мере, мой дом в его лучшие дни. Каждый день в городе Полу-Шага был праздником по меркам Аликоса, каждая улица была переполнена предприимчивыми торговцами, музыкантами, исполняющими приятные песни, и, конечно, мужчинами, молодыми и старыми, горячо спорящими о политике на каждом углу.

Каждая улица дарила новые впечатления, и одно это стоило того, чтобы пройтись вверх и вниз по Каукосо Монс.

— Со всеми проблемами, которые создают эти Тираны, самое меньшее, что они могут сделать, это свою работу, — мрачно пробормотал Сол, подбрасывая яблоко в руке, пока он рассматривал товары торговца. Его нос дёрнулся, и он рассеянно провёл по нему большим пальцем. — Благосклонность одного должна означать недовольство семи.

— В этом было бы слишком много смысла. — Я прищёлкнул языком, подумав обо всех бесполезных софистах, которые томились под Бурей, Которая Никогда Не Прекращалась. Всегда слишком боящиеся возмездия Тирана, чтобы полностью испытать свои возможности. Внезапно я задался вопросом, сколько посвящённых Бушующего Неба на самом деле испытали на себе гнев старейшины, а не всего лишь угрозу его.

— Власть и её привилегии... — Сол откусил от яблока, отмахнулся от торговца и свернул на дорогу. — Алазон был Героем, это я точно помню. Достаточно сильный, чтобы уверенно бросить вызов трём сверстникам и неизвестному культиватору, имея за спиной только ещё одного Героя и горстку Философов. С достаточно хорошими связями, чтобы сделать это в центре клуба.

— Он был настоящим засранцем, — согласился я. Серые глаза метнулись в мою сторону.

— Я хотел сказать, что он напомнил мне тебя.

— Какое совпадение, — приятно сказал я, наклонив голову в сторону старого бродяги, замотанного в грязные лохмотья, который сидел без дела на углу улицы, пока мужчины стояли вокруг него, споря о голосовании на следующем собрании. — Я как раз собирался сказать о нём то же самое. — Сол фыркнул и откусил ещё два кусочка яблока, а затем бросил сердцевину мне в голову.

— Во всяком случае, можно предположить, что у него есть друзья в высших кругах, — продолжал я, ловко уклоняясь от огрызка. — Он рано или поздно вернётся, чтобы доставить нам неприятности, в этом я уверен. Что более важно, как прошла сама лекция? Познавательно?

— Первое число, ёпа — это начало всех вещей, — тускло произнёс Сол, шлёпнув руку мальчика от мешочка с монетами рассеянного горожанина. Мальчик возмущённо нахмурился, увидел

наши культовые наряды, и тут же убежал в переулок. — Второе, thio - элемент женственности. Третье, tria - мужественности. Четвёртое...

— Tessera. — Я щёлкнул пальцами, и свет зари поднялся к кончику моего большого пальца и загорелся. — Идеальная природная симметрия. Справедливость. — Сол хмыкнул в знак согласия. — Мудрый философ наверняка хотел донести нечто большее? Даже Римляне умеют считать до четырёх.

Сол поднял три пальца на руке, а затем остановился, нахмутив брови. Я усмехнулся и закинул руку ему на плечо, другой указывая вдаль. За восточными пределами Олимпии простиралось огромное пространство непокорённой жизни, суровые горы и пышные долины, которые простирались до самого горизонта.

— Во всех вещах есть смысл, юный софист, — сказал я величественно. — От их расположения до их позы, их организации и всех их составных частей, как они размножаются и как прекращают своё существование. Натурфилософы - это те, кто посвящает свою жизнь раскрытию этого смысла и углублению фундаментального понимания творения человечеством. Несомненно, человек такого уровня достаточно компетентен, чтобы преподать множество уроков с помощью всего одной лекции - один для детей, один для студентов и один для учёных.

Сол начал поднимать четвёртый палец, замешкался и снова опустил его. Я схватил согнутый палец и заставил его полностью вытянуться. Его глаза расширились.

— Ты не смешной, — сообщил я ему.

— Ты тоже, — легко ответил он, убирая мою руку со своего плеча. — По правде говоря, мне действительно казалось, что он стремится к чему-то большему. Он также несколько раз ссылался на прошлые лекции. Было похоже, что вся лекция была длинной сноской.

— Я бы не сомневался в этом, — сказал я. — После определённой точки продвижения, даже простые на первый взгляд техники становятся огромными слияниями более мелких занятий.

— Как так?

— Подумай о человеке, который дал тебе свою добродетель, — сказал я. — Представь в своём воображении величайшие подвиги, которые он совершил с её помощью, а теперь представь, как бы ты их воссоздал. — Я дал ему время, достаточно долгое, чтобы не потерять себя. Затем я предложил ему. — А теперь сделай это.

— Я не могу, — признался он. Он сжимал и разжимал руки, в его глазах был задумчивый взгляд. — Но не по тем же причинам, по которым ты не можешь скопировать своего отца.

Я стряхнул затухающее пламя с большого пальца и коротко взвесил шансы на то, что мне удастся стянуть звезду с неба.

Не сегодня. Возможно, завтра.

— Подыграй мне тогда, — сказал я. — Каждый Герой и каждый Тиран когда-то был Философом. Чтобы продвинуться дальше Софического Царства, культиватор должен усвоить тысячу тысяч истин, правил природы, которые будут служить основой для его дальнейшего культивирования.

— Когда Герой противостоит невероятному ужасу и поражает его мечом из железа, за этим взмахом стоит каждая истина мира, которую он знает. Это больше, чем просто взмах руки. Когда Тиран решает, что гора ему больше не нужна, и она вдруг перестаёт существовать? — Я жестом указал назад, в направлении Каукосо Монс и его штормовой короны, но мы оба знали, что я имею в виду обряд посвящения Розовой Зари. — Здесь действует тот же принцип. Так скажи мне, Сол, чем отличается Рим?

Мне было искренне любопытно. Моё представление о Римской системе культивации было ещё менее развито, чем его представление о нашей. Я слышал только пренебрежительные рассуждения от Аликонцев и мимолётные комментарии самого Сола, сделанные во время праздных разговоров. Я терпеливо ждал, пока он обдумывал сценарий, переводя взгляд на дом Культа Бушующего Неба.

Наконец, он сказал: «Герой свергает великого врага одним ударом. Но этот один удар – результат тысячи тысяч истин. — Серые как шторм глаза метнулись ко мне в поисках подтверждения, и я кивнул. — Значит, если Герой может взмахнуть клинком с той же силой, что и тысяча тысяч человек, то справедливо будет сказать, что каждая из этих истин представляет собой один взмах клинка. Тиран – это то же самое, но в большем масштабе».

— По большей части, — согласился я.

— Один Грек вооружает себя правилами природы и использует их, чтобы сделать работу многих. Герой размахивает мечом, словно он тысяча тысяч людей, наложенных друг на друга в одном теле, и поражает монстра. Тиран давит на гору, словно он миллион миллионов человек, и разбивает её в пыль.

— И что же делает Римлянин, чтобы сразить чудовище? — спросил я, заинтригованный. — Как он опрокидывает гору, которая стоит на его пути?

Сол хмыкнул, вспоминая, и потоки его влияния хлынули вокруг него, обдавая меня и тех, кто нас окружал. Я позволил ему омыть меня, но пара женщин, шедших в нашу сторону, внезапно споткнулись и упали в его сторону, уронив свёртки с едой из рук. Он остановил их падение добродетелью капитана, и мы пошли дальше, не сбавляя шага.

В конце концов, он язвительно улыбнулся.

— Римлянин велит пятистам хорошим людям идти на работу, и монстр падает под яростью главной когорты.

— А что насчёт горы? — спросил я весело.

— А что насчёт горы?

— Как бы ты её опрокинул?

Он пожал плечами: «Я бы не стал».

Я чуть было не возразил. Это был ужасный ответ, и хуже того, он ничего не говорил мне о духе Римской культуры. Я открыл рот, чтобы сказать это, правда, менее вежливыми словами, но потом сделал паузу. Закрыв его. На первый взгляд, оба ответа ничего не говорили о культивировании. Сила в количестве, это был здравый смысл. И да, вместо того, чтобы что-то сделать, это можно было и не делать.

Но он специально указал пятьсот человек, а не тысячу-тысяч. А что касается горы...

Я вздохнул: «Ты бы обошёл её».

— Я бы обошёл её.

Буквальный ответ, тактический ответ и стратегический ответ – всё в одном. Я полагаю, что это то, что я заслужил за мой предыдущий комментарий. Я отложил моё новое понимание военного менталитета Римского культиватора на потом. А потом я плюнул ему под ноги.

— Ты мог бы просто сказать, что ты скучный, — кисло сказал я. Сол кивнул, в изгибе его губ читалось простое удовлетворение.

— И ты мог бы просто сказать, что ты Грек.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3351729>